

ВЛАДИМИР
ДРУЖИНИН

ТАЙНА «РОССОМАХИ»

ИГРОК

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Владимир Дружинин

Тайна «Россомахи». Игрок

«Алисторус»

УДК 82-311.6:355-40
ББК 84стд1-445.5:68.23-2

Дружинин В. Н.

Тайна «Россомахи». Игрок / В. Н. Дружинин — «Алисторус»,
— (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-616-1

Повесть «Тайна „Россомахи“». В разгар войны немцы возводят мощный укрепрайон под кодовым названием «Россомаха». Спустя годы этот заброшенный район привлекает пристальное внимание западных спецслужб. Какую тайну скрывают засыпанные землей дзоты? Майор Аниканов, переведенный служить в местный погранотряд, начинает собственное расследование. Повесть «Игрок». Иностраный круизный лайнер «Тасмания» заходит в советские территориальные воды. При проверке документов выясняется, что один из пассажиров бесследно исчез. У пограничников есть всего четыре дня, чтобы найти беглеца, пока судно не покинуло зону контроля.

УДК 82-311.6:355-40
ББК 84стд1-445.5:68.23-2

ISBN 978-5-00269-616-1

© Дружинин В. Н.
© Алисторус

Содержание

Тайна «Россомахи»	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Николаевич Дружинин
Тайна «Россомахи»
Игрок

© Дружинин В.Н., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Тайна «Россомахи»

Глава первая

Моя страсть к путешествиям занесла меня край.

Когда я впервые увидел Змеиное болото и низкие, приплюснутые холмы, словно тонувшие в нем, я еще ничего не знал о событиях, разыгравшихся здесь, о поразительном поиске, до сих пор еще не завершенном.

Однако от одного вида этих мест нельзя было не почувствовать волнения.

Из топи, по обеим сторонам гати, торчали то погнутый штык, то полусгнившее ложе винтовки, то колючая проволока, красная от ржавчины. Война, ушедшая так далеко в прошлое, вдруг напомнила о себе, приблизилась, нарушив ясность и спокойствие мирного летнего дня,дохнула в лицо запахом смерти и тлена.

Гать вела к «Россомахе». Вернее, к тому, что осталось от этой вражеской линии обороны, именовавшейся в сводках гитлеровского командования «неприступной». Редкий, истерзанный артиллерийским огнем лес, одевший холмы, позволял хорошо разглядеть заплывшие черной водой траншеи, покосившиеся накаты землянок. Дожди давно смыли с них дерн и даже кору, бревна торчали голые, сияя костяной белизной.

Сюда в осенние дни 1944 года в панике бежали фашисты, бросая оружие, утопая в трясинах. Но «Россомаха» не спасла гитлеровцев. Наши войска обходили ее с флангов, и враги, боясь оказаться в котле, уходили дальше на запад, через границу. «Россомаха», сданная без единого выстрела, осталась как огромный, распластавшийся по лесам гниющий скелет. Не коснулась этих мест и мирная жизнь. Люди сторонились мертвой «Россомахи», едва приметив на стволах деревьев предупреждающие надписи – «Смертельно! Мины!»

Мин уже нет, земля очищена от них, но я поймал себя на том, что не доверяю этой земле, что мне как-то неприятно твердо поставить ногу, опереться на всю ступню. Такая же тревога, казалось, охватила и моего спутника, майора Аниканова. Общительный, жизнерадостный, душевный человек, он вдруг замкнулся, умолк. Все движения его, даже походка, обычно четкая и размеренная, как у всех старых служак, сделались беспокойными и нетерпеливыми, как будто и ему хотелось как можно скорее выбраться отсюда, не видеть этого дзота с черными пустыми глазницами, этой помятой грязно-зеленой каски. Выбраться, выйти на дорогу, полной грудью вдохнуть воздух...

Помнится, в тот день было тихо, совершенно тихо, лес оцепенел в безветрии, но и тишина представлялась мне обманчивой, как оглушенному взрывом.

Я так и сказал Аниканову. Погруженный в какие-то свои мысли, он ответил рассеянно: – Точно, точно. Тут так рвануло, что... Идемте, я покажу вам.

Через несколько минут мы стояли на берегу небольшого озера. В него сползали полуразвалившиеся бревенчатые избушки, некогда, должно быть, служившие помещением для штабистов. Один сруб совсем распался в воде – на поверхности виднелись лишь пучок кровельных досок да плотный, слежавшийся, как войлок, комок маскировочной хвои.

– Вот это я и хотел вам показать, – проговорил Аниканов. – Всю ложбину залило. После взрыва. Вы должны были это увидеть, иначе... Иначе я просто не представляю, как я мог бы вам рассказать. Теперь мы пойдем потихоньку к дому.

Я выслушал рассказ майора Аниканова и, в меру своей памяти и умения, записал.

* * *

– Жизнь моя – кочевая, военная и вдобавок – холостая. Все имущество – книги да спиннинг. Разве можно без спиннинга в таких местах, на таком приволье! Как раз об этом – о рыбной ловле – и толковал я с сослуживцами тогда, в тот вечер, в час ужина, когда пришло донесение.

Однако надо сказать еще кое-что о себе. В молодости профессора прочили мне будущее ученого филолога. Положив в карман университетский диплом, я вскоре ушел по путевке комсомола в пограничные войска, потом стал чекистом и не жалею об этом. Не жалею, хоть и нелегка наша служба. Первое боевое крещение получил я в Средней Азии в схватке с басмачами. Жену там потерял...

В моем дипломе – я иногда разглядываю его и, признаться, с некоторым удивлением – перечислено множество предметов. Смотрю и думаю: «Неужели я когда-то знал столько!» Понятно, всю эту премудрость я довольно основательно забыл, кроме, впрочем, современного немецкого языка. На войне он пригодился. Я тогда переменял род оружия. Писал листовки, по радио призывал немецких солдат сдаваться в плен.

После войны я вернулся на границу. Направили меня сюда, вот в эти места.

Я сам стремился сюда. Почему? Трудно ответить в двух словах. Здесь в феврале 1943 года погибла моя Ташка. Дочка моя.

После смерти жены я остался с Ташкой. Вот и вся семья. Не скажу, что не было у меня в мыслях жениться, нет, этого я, положа руку на сердце, утверждать не могу. Но Ташка мне не позволяла. Смешно, может быть? Товарищи подтрунивали, называли Ташку моим командиром. И они не ошибались.

Вы не лыжник? Нет! Иначе имя Татьяны Аникановой было бы вам знакомо. Мастер спорта, чемпион республики...

Как она погибла, я не знаю. Пошла в разведку и не вернулась. Ни один не вернулся из группы.

Когда я выбирал место службы, я, быть может, питал смутную надежду узнать что-нибудь о Ташке. Так или иначе – тянуло меня сюда.

Итак, позапрошлой весной, в час ужина, к нам в штаб отряда пришло донесение.

Как я уже упоминал, в столовой военторга шла мирная беседа. Говорили о том, что на озерах лед взломало и сейчас самое время для вылазки со спиннингом.

– Конец мая – щучий нерест, – сказал лейтенант Марочкин. – Щука бешеная, на лед прыгает, хоть руками бери.

Я улыбнулся. Марочкин прибыл в отряд недавно, родом он с Кубани, и слова, которые он произнес тоном знатока, не его слова, а услышанные от кого-то. Вот уж не терпится ему ввязаться в разговор старших! Самоуверенный парень, надоедливый иногда, но все-таки славный! Темные глаза его на румянном курносом лице смотрят на все с пытливым жадностью и напоминают мне мою собственную пору юности, когда я был студентом и чувствовал себя способным учинить переворот в науках.

– Руками хватать щуку не советую, – сказал я. – Но такой случай был. У Ладва-порога.

– Там рыба еще не пуганая, – молвил другой собеседник.

– Распугают, – отозвался всезнающий Марочкин. – Из Черногорска рыболовы повадились ездить. По выходным.

Донесение прервало нашу беседу. На заставе, в соседнем отряде, к северу от нас, поймали нарушителя. Как его поймали, я сейчас плохо помню, да это и не имеет значения. Важно то, что он сказал на допросе.

Из показаний его стало известно, что готовится новое нарушение нашей границы.

Пожаловать к нам намерен Генрих Бадер, человек пожилой, служащий крупной частной молочной фирмы.

Кто такой Бадер, мы имели представление. На озере Сорока Островов имеются и полуострова, кстати говоря, очень живописные, и на одном из них стоит дом Бадера, построенный при оккупантах. Когда едешь на катере и острова проплывают мимо, то в просвете между ними на дальнем берегу можно различить серую крышу.

Недолго хозяйствовал там Бадер. Пришлось ему убираться восвояси вместе с гитлеровцами.

Что ему теперь нужно здесь? Этого задержанный лазутчик не знал или не хотел сказать. Он твердил одно – поручение у Бадера важное. Как же выяснить намерения Бадера? Нужно встретить его и проследить.

Полковник Черкашин – начальник нашего отряда – вызвал офицеров штаба и сообщил новость. Хотя Бадер должен перейти границу у соседей, все же и нам нужно усилить наблюдение и быть наготове.

Словом, вы понимаете, в воскресенье идти на рыбалку не пришлось.

А через пару дней выяснилось: соседи встретили Бадера, следовали за ним несколько километров, но из-за тумана потеряли. Ночи здесь в эту пору светлые, но туманы по утрам густые.

И был объявлен поиск.

Знаете ли вы, что это такое? Если бывали в атмосфере поиска, то не забудете его.

Боевой сигнал у нас, на границе, не звучит раскатами горна. Его несут провода, волны радио, несут в комендатуры, на заставы, во все концы участка, охраняемого отрядом, – и жизнь на границе становится иной.

На заставах пустеют казармы, с пирамид снимают винтовки. Формируются усиленные наряды.

На вид ничего не изменилось на холмах, на просеках, на перекрестках троп и дорог. Чуть гуще стал куст боярышника, а там – немного чаще молодой ельник. Поди, угадай, что там – растения, не имеющие корней в земле, торчащие из-за пояса бойца, залегшего с карабином

в руке. Надо подойти вплотную, чтобы различить его и других, лежащих рядом, в уборе маскировки...

Секрет внимателен, чуток. Секрет не смыкает глаз. Он сменяется редко, осторожно, скрытно. Одолевает сон солдата, голова тяжелеет, опускается вниз – но миг отрезвляет его холодок карабина. Солдат держит карабин перед собой, держит твердо...

Спать нельзя. В любое мгновение может появиться нарушитель. Из-за перелеска, из-за той толстой сосны, из-за пригорка... Таких неусыпных секретов с оружием наготове много. Они ждут, подстерегают. А сквозь глухомань, через болотную топь, движутся поисковые группы. Те недвижимы, как изваяния, – эти в неустанном походе. В полном боевом снаряжении, с радиостанцией, идет такая группа, идет молча, не зажигая костра на коротком привале. Идет, зорко оглядывая местность, примечая каждую мелочь, – будь то птица, взвившаяся над лесом, или примятый папоротник.

Во всем этом – в маршрутах поисковых групп, в расположении секретов – есть система и замысел. Чтобы окинуть глазом картину поиска, надо войти в штаб, в кабинет начальника отряда полковника Черкашина, где висит большая карта, испещренная флажками и условными знаками, отражающая каждый день, каждый час позиции пограничного войска, вставшего в ружье.

С юга на север, к городу Черногорску, тянется черная лента железной дороги. К западу от нее – леса и болота, среди которых растеклось озеро Сорока Островов. Уходя на север, оно соединяется проливом с озером Глубоким, на берегу которого расположен городок Кереть. Западнее в дугу, образуемую этими озерами, вдвигаются минные поля «Россомахи». А еще дальше на западе – граница.

Черкашин стоял у своей стенной карты в накинутах на плечи шинели.

– Поглядите, товарищ майор! – сказал он. – Не мешало бы перекрыть и это направление. А? Как вы находите? Тут маловато людей у нас.

Он указал на глухой приграничный район юго-западнее «Россомахи».

Я посмотрел и согласился.

Надо вам сказать, я вообще пока не считаю себя стариком и в поиск готов всегда, а тут меня особенно взбудоражило. Да, особенно, – так по крайней мере кажется мне сейчас.

Полковник покачал головой.

Места самые гиблые. Помоложе бы кого-нибудь на это дело. А? Что если мы поручим лейтенанту Марочкину? Как вы смотрите?

Признаться, мне стало обидно, но я постарался скрыть это.

– О Марочкине могу вам доложить только хорошее, – сказал я. – Третий год на севере, участвовал в поисках, имел благодарности. Хотя и кубанец, степняк, а с обстановкой освоился быстро.

– Ох, не люблю я этого «хотя», – вздохнул Черкашин. – Я вот тоже казак, донской казак, и однако...

В послужном списке Черкашина – заставы в горах Памира, в Уссурийской тайге. В тайге выстрелил в него японский диверсант, пробил руку.

По возрасту мы с Черкашиным однолетки, а боевого опыта у него побольше, что, впрочем, не мешает ему внимательно выслушивать мнение подчиненного.

– Одно смущает, товарищ полковник, – продолжал я. – Хватит ли опыта у Марочкина.

– Сами хотите? – спросил он в упор и усмехнулся.

– Хочу, – признался я.

– Хорошо, – кивнул он. – Пойдет Марочкин. Но со старшим.

– Со мной, товарищ полковник!

– Добре, – кивнул он подумав. – С вами.

Час спустя я принял команду над группой.

Нас было пятеро. Кроме меня и Анатолия Марочкина, на поиск вышли: сержант сверхсрочник Николай Яковлев, молчаливый высокий силач, местный уроженец, один из лучших в нашем отряде следопытов. Ефрейтор Виталий Аношков, его ученик, юноша из Донбасса, низенький, проворный, с хитрыми ямочками на щеках. Ефрейтор Василий Кузякин, радист, щуплый, большеухий, с упрямым взглядом исподлобья. Он тоже хорошо знает свое дело. В Казани, еще школьником девятого класса, построил телевизор.

Словом, как видите, народ подобрался неплохой.

На второй день поиска нам посчастливилось напасть на след врага. Яковлев заметил примятый папоротник под елью, спичку – признаки привала. Вскоре после этого мы увидели Бадера.

Бадер шел прямо на восток.

Вы знаете, как выглядит этот край на карте? Он как бы исполосован мелкими надрезами, сквозь которые проступает голубизна бесчисленных, узких, вытянутых с запада на восток озер.

Чего тут больше – воды или суши? Есть места, где воды во всяком случае не меньше. Кроме того, суша далеко не везде оправдывает свое название – она изъедена болотами. Где болото – там рыжая, безлесая плешина, деревья цепляются за берег, лезут подальше от топей вверх, на холмы, кое-где возвышающиеся над низиной.

Людей здесь мало. В радиусе сотни километров – пять – шесть селений, да и то небольших, прижавшихся к двум лесным речкам. Редки здесь дороги, редки и тропы, проложенные человеком, зато чаще встретишь тропу, выбитую копытами лосей.

Трудный край, неласковый. Кто не знает его, тот с первых же шагов завязнет в болоте или заплутается в чаще. Или водная преграда остановит его, и будет он блуждать, биться в лабиринте озер и рек, да так и не отыщет выхода. Бадер эту местность знал. Он шел не торопясь, но уверенно, не сбиваясь с пути.

Старое военное правило предписывает: наблюдать так, чтобы самому оставаться невидимым. Это нам удалось, Бадер не почуял преследователей. Когда он пересекал болото или озеро на плоту из стволов, связанных наскоро веревкой, я направлял Марочкина с двумя бойцами по одному краю трясины, а сам шел с третьим по другой стороне. Хвойные заросли закрывали нас.

Иногда фигура Бадера в окуляре моего бинокля вырисовывалась довольно ясно. Одет он был, как местный житель: полушубок, шапка-ушанка, валенки, обшитые желтой кожей. Однажды весь окуляр заполнило его лицо – круглое, с белесыми бровями, лицо мужчины лет пятидесяти. Губы его шевелились: он разговаривал сам с собой, как это делают северяне, коротая время в одиночку – на охоте или на рыбалке.

Бадер не останавливался, чтобы поесть, – должно быть, он жевал на ходу, доставая еду из заплечного мешка. Он спешил. Конечно, и нам нельзя было отдыхать. Наконец, часов в восемь вечера, Бадер углубился в гущу кустарника и затих там.

Я приказал бойцам не выпускать кусты из вида, а сам достал из планшетки карту и подозвал Марочкина.

Тут, откровенно признаться, мне стало не по себе. Мурашки забегали по спине, едва я определил наше место на карте и подвел к нему пройденный маршрут. Марочкин посмотрел и от неожиданности закусил губу.

– «Россомаха»! Так он...

– Очень вероятно, – перебил я. – Кратчайшим путем через минные поля выберется к озеру. Там, кстати, его бывший хутор.

Я еще раз проверил себя. Может быть, ошибся? Нет, все правильно. С нашего бугра видно достаточно хорошо. Вот Змеиное болото, знакомое мне; оно кончается тут, под нами, а к востоку, за каемкой черных кустарников, – Железные горы. Их очертания я тоже видел не раз. На них – главные укрепления «Россомахи». Траншеи, дзоты, землянки, колючая про-

волока, надолбы и мины, мины, мины... Да, мы уперлись прямо в «Россомаху», в проклятую «Россомаху». Если бы Бадер думал обойти ее, он свернул бы раньше.

Сейчас он, верно, лег передохнуть. Набирает силы для решающего перехода.

Марочкин глядит на меня с нетерпением. Он чуть побледнел, брови очертились, как выведенные углем. Я снова наклоняюсь к карте. Неужели Бадер пойдет напрямик? Тогда, очевидно, у него есть схема минных полей. У нас нет. Ни в штабе отряда, ни в округе, вообще нигде у нас нет полной схемы.

– А что, если, – прикидываю я вслух, – вас, товарищ Марочкин, направить в обход? С двумя бойцами.

В глазах лейтенанта – сперва удивление, потом они становятся упрямыми, гневными.

– Не согласен, – слышу я вдруг.

– То есть как – не согласен, – обрезаю я. – Не согласен выполнить приказание?

– Извините. Но...

На что было бы лучше так: Марочкина в обход! Рисковать, так меньшим числом жизней! Но можно поставить под удар всю операцию. Нельзя отпускать людей. Круглая дорога отбегает далеко в сторону, связь между группами оборвется. Кто заменит меня, если я подорвусь! Нет, нет, надо держаться всем вместе.

Еще и еще раз я спрашивал себя, имею ли право решить иначе. Нет, не имею!

– Всем вместе, – сказал я и бросил карандаш. Глаза Марочкина зажглись.

«Мальчик, совсем мальчик, – подумалось мне. – Задор, как у школьника, дорвавшегося до приключения. Да отдает ли он себе отчет, как это опасно? Чего доброго, побежит вприпрыжку по минному полю».

Во мне шевельнулось раздражение, и я сказал:

– Прошу отнестись серьезно. Если я подорвусь, замените вы. Ваш заместитель – сержант Яковлев.

– Ясно.

В глазах Марочкина уже не было озорства.

– Надо двигаться по пятам, – говорит он. – Как можно ближе к нему. Цепочкой.

«Да, именно так. Почему ты считаешь его мальчиком? – спросил я себя. – Потому только, что у тебя седые виски? Брось, Тихон Аниканов! Без сентиментальностей! Ты военнослужащий и он тоже».

Пройдем, Анатолий, пройдем сынок, – хочется мне сказать, но в эту минуту Бадер поднялся и я сказал строго:

– Двинулись!

Глава вторая

Идем в таком порядке: впереди сержант Яковлев, за ним я, потом Аношков, Кузякин, а замыкает Марочкин. Бадер исчез из вида. Кругом лес. Двигаемся медленно, очень медленно. А ведь тянет шагать быстрее, ох, как тянет, всем телом, каждым мускулом тянет! Но нельзя. Черт его знает, вдруг Бадер там, впереди, остановился, высматривает дорогу. Или сбился с пути и пошел назад. Все может быть! Надо сдерживать себя, вести самого себя на поводку, чтобы не спугнуть зверя...

Вся надежда на Яковлева. Я вижу впереди его спину, слышу учащенное дыхание. Он шагает, наклоняясь к земле, и кажется – глаза наши – у него, слух наш – у него...

Собаки с нами нет. Она не смогла взять след Бадера: обувь его обработана специальными химикалиями, отбивающими запах.

Нет, до сих пор ни один лазутчик не отваживался на это. Все обходили «Россомаху». У нас сложилось мнение, что схемы «Россомахи» погибли в огне войны, что даже враги, даже сами создатели «Россомахи», укладывавшие мины, уже не найдут здесь пути.

Лес то редет, то смыкается и хлещет нас колючими ветвями. Где гуще заросли, там еще лежит снег. Снег помогает нам – следы на его поверхности отпечатаны четко. Свежие, надежные следы...

Снег долго держится здесь. Местами и на полянах длинные дорожки снега, розоватые от закатного солнца. Скоро оно должно скрыться, но ненадолго. Очень медленно наступает белесая ночь, не сулящая ни сна, ни покоя. Само время остановилось как будто. Перелесок, просека, за ней, за каменистым гребнем, – еще просека, вся ошетилившаяся сухими пнями. Если верить стрелке часов, мы идем всего час с небольшим. А кажется – целую вечность! Но незачем смотреть на часы. Видеть спину Яковлева – вот что нужно. Только это! Не отстать от него!

«Попасть в след, это еще не все, – шепчет во мне робкий голос. – Это еще не гарантия. Бывает, сто человек пройдут по дороге, а подорвется сто первый...»

Как бывает, я знаю хорошо. Слишком хорошо. И я гоню от себя дурные, расслабляющие мысли. Я стараюсь не думать о минах. Они тут везде, тут кругом мины. Здешний лес и валуны – не более, как маскировка смерти. Притаившейся смерти. Разбудить ее легко. Стоит только задеть ногой тоненькую, еле заметную проволоку, протянутую через тропу, и подскочит прыгающая мина, разорвется на уровне твоей головы, выбьет твои мозги. А на земле, где ты поставишь ногу, может сработать взрыватель противопехотной мины – небольшой коробочки, с виду такой безобидной. Заряд в ней невелик, но его достаточно, чтобы оторвать тебе ступню. А там ждет тебя противотанковая мина. Эта разделается с тобой начисто, в ней – по крайней мере десяток смертей. Хватит на всех нас...

Нет, нельзя думать о смерти. Нельзя! Я запрещаю тебе думать, Тихон Аниканов!

Ты видишь воронку от бомбы, зарастающую кустами, переступаешь через полуистлевший валенок, из которого торчит кость, – и все-таки ты не должен думать о смерти!

Целью маршрута Бадера, по крайней мере ближайшей целью, оказался, как мы и предполагали, его хутор. Достигли мы его утром. В тумане обозначились залив озера с плавающими льдинами, забор, спускающийся к самой воде.

Бадер подошел к калитке. Он мог бы пройти рядом, по доскам забора, в этом месте рухнувшего наземь, но, нет, ему зачем-то понадобилось войти через калитку. Хотел, видно, открыть ее своей хозяйской рукой. Однако прежде он постоял некоторое время, потом перекрестился.

Калитка скрипнула. Бадер исчез в доме, и мы, расположившись у дырявого забора, ждали долго. Было слышно, как Бадер ходит по дому, открывает слипшиеся двери, как потрескивают половицы.

Он вышел с лопатой. Ударил ею раза три по косяку, сделал зачем-то зарубку... Потом сошел с крыльца, постоял у старой, толстой ели, отмерил от нее несколько шагов и начал копать.

Конечно, мы могли тут же схватить его. Но мы ждали.

Он часто садился, вытирал пот со лба, потом торопливо, испуганно вскакивал и снова принимался за работу. Он спешил. Наконец он кончил работу.

Затем он пригнулся. Похоже было – нащупывает что-то в вырытой яме.

Я сделал знак товарищам, вынул из кобуры пистолет, встал и пошел в пролом.

Бадер не разгибался. Он не замечал нас, весь погруженный в свое дело. Что у него там? Сейчас узнаем. Я открыл рот, чтобы окликнуть его и наставил пистолет, но в эту минуту раздался резкий, негромкий удар. Сотни игл впились мне в лицо, и я невольно зажмурил глаза.

Когда я разлепил их, все уже сгрудилось вокруг Бадера. Он лежал на животе, накрыв собой яму, истекая кровью, – мертвый.

Глава третья

Сперва я подумал, что Бадер слышал шаги, заметил пограничников и решил подорвать себя и нас. На самом деле было не так. Осмотр ямы, остатков мины и ящика, вырытого Бадером, показал, что кто-то приготовил ему здесь смерть.

Сейчас, через два года после этих событий, мне иногда кажется, что предвидеть судьбу Бадера, сохранить его для допроса было все-таки можно. Я невольно сотый раз спрашиваю себя: что я должен был сделать, чем предотвратить такой исход? Я вижу свои ошибки и снова чувствую горечь неудачи, постигшей нас тогда на хуторе Бадера.

А это была неудача, серьезная неудача. Все мы почувствовали это и даже, помнится, говорили вполголоса...

Если хотите, мне было еще и жаль Бадера. То есть не его только, а вообще... Ну, как бы вам это объяснить! Жаль человеческой жизни, которая оказалась дешевле кучки золотых монет, старых золотых риз с икон, серебряных подсвечников... Это добро Марочкин брал из ямы, отбрасывая щепу разлетевшегося на куски ящика.

В это же время Яковлев вынимал из моего лица занозы, клал на ранки пластыри.

– Как в глаза не угодило! – говорил он, и мне было хорошо Служать его басовитый, спокойный голос.

Сокровища Бадера легли на доску крыльца, как маленький могильный холмик. Ради них Бадер прошел «Россомаху». Верно, он прошел бы две, десять «Россомах», только бы дорваться до своего имущества. Я вспомнил, как он крестился у калитки. Его добро – это его религия, смысл его существования.

Те, что послали Бадера, одели его по-нашему, указали проход через «Россомаху», – знали это. Еще бы! Бадер – удобное орудие в их руках.

Зачем же послали его?

Я рылся в памяти, надеясь найти похожий случай, пролить хоть какой-нибудь свет на загадку. Но, нет, ничего подобного в моей практике не было.

Так или иначе – смерть Бадера не случайна. Чем больше я размышлял и изучал место взрыва, тем больше утверждался в этом. Случайности тут быть не могло. Клад Бадера заминировали. Сделали это намеренно, с тем, чтобы ограничить его маршрут по нашей земле, положить предел... Выходит, он выполнил свое назначение! Каким же способом?

– Товарищ майор! – сказал Марочкин. – Разрешите изложить свои соображения.

На людях он всегда выражался сугубо официально, самыми книжными словами.

– Излагайте, – ответил я.

– По моим соображениям, мина там находилась... Ну, в общем она уже была, когда он закапывал свой ящик, товарищ майор, и тогда не взорвалась.

– Нет, – сказал я. – Хутор Бадера не было смысла минировать. Ни нам, ни противнику. Место глухое, в стороне от всех дорог.

Яковлев уже оставил в покое мое лицо. Теперь он собирал остатки мины, а мы с Марочкиным обыскивали убитого. В кармане штанов нашли документы на имя Бадера, общепринятые в сопредельном государстве и не оставлявшие сомнений в подлинности. Никакого оружия у Бадера не было, если не считать большого ножа с рукояткой из прозрачной пластмассы. Он висел на поясе, в кожаном чехле. Такой нож необходим путнику в этих местах, так же как спички, соль, котелок, ложка, запас хлеба и сала. Все это и обнаружилось в холщовом заплочном мешке Бадера.

На ногах у него были валенки, обшитые желтой кожей. Именно русские валенки, а не сапоги с загнутыми носками, распространенные за рубежом. Лишнее доказательство того, что Бадера снаряжали сюда специально.

Но для чего? Для чего?

Возможно, вся суть в зарубке, которую он оставил на косяке? Но как разгадать ее смысл?

Ответить может только тот, для кого этот знак оставлен. Очевидно, этот человек должен явиться сюда, и, значит, хутор Бадера надо держать под наблюдением.

Я приказал уничтожить все следы происшествия, кроме зарубки. Радист Кузякин передал в штаб итоги нашего похода. Затем Аношков встал часовым, а остальные расположились на отдых в большой горнице с печью-голландкой.

– И хозяин погиб, и дачка тоже, – пробасил Яковлев, растапливая печь. – Всю ведь жучок сожрал.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Как же, рассказывали наши в Ладва-пороге. Хотели, значит, бадеров дом в колхоз вывезти, под клуб приспособить. Да где! Все как есть проедено жучком. В труху все размалывает. Прямо-таки – кипит жучок, вот сколько его!

Яковлев не терял связи с односельчанами, с жизнью родного колхоза.

Печка упорно не желала давать тепло, злобно дымила. Сержант терпеливо открывал двери и окна, чтобы выгнать дым, снова растапливал. Я расположился на полу, подложив под себя валявшийся кусок овчины и накрывшись шинелью. Рядом лег Марочкин.

Бледная ночь освещала стены, кое-где еще прикрытые пятнистыми обоями.

– Товарищ майор, – шепчет Марочкин. – Слыхали, ведь подписан приказ о разминировании «Россомахи». Велено нам выделить силы и артиллеристам. План на два года.

Любит Марочкин сообщать новости! О приказе мне известно. Давно пора! Наконец-то исчезнет «Россомаха», исчезнет смерть с этой земли, из нашего леса. Но не об этом думаю я сейчас. Зарубка на косяке – звено, наглядное звено, попавшее нам в руки, и надо тянуть за него, извлечь все, что можно.

Марочкин умолкает, погруженный в какие-то свои догадки, и я не сплю.

– Товарищ майор, – слышу я. – Бадера послали проторить дорогу! В качестве пробного шара! Тут еще кто-то есть.

Я и сам думал об этом. Да, это, пожалуй, весьма вероятное назначение Бадера. Допустим, за рубежом тоже нет точной схемы минных полей, она пропала во время войны. Есть, быть может, грубая схема, сделанная по памяти... А «Россомаха» удобна для нарушителей. Через нее можно скрытно подобраться к линии железной дороги, к полустанку, влезть в порожний товарный вагон, направиться в глубь страны, раствориться в каком-нибудь большом городе, замести следы... Я так отчетливо представил себе нарушителя, что приподнялся. По тропе, проложенной Бадером и нами, должен пойти кто-то еще. Быть может, уже идет сию минуту! В глубь страны или, наоборот, к границе!

Да, именно этого хотели пославшие Бадера – проторить путь. Он, возможно, не знал всех замыслов их, но все же кое-что мог выболтать, потому и убрали его.

Враг рисковал серьезно, готовя западню Бадеру. Надо было выкопать где-то мину, принести сюда, установить. Громоздкое предприятие! Но, видно, игра стоила того. Бадера надо было устранить любой ценой.

Однако немного спустя это умственное сооружение, казавшееся мне таким прочным, стало шататься и трещать. Я начал перестраивать его. То, что Бадера убрали как возможного свидетеля – это ясно. Но каково назначение его?.. Если ему поручили всего-навсего проторить дорогу, то так ли уж необходимо было убивать его, да еще таким явным и шумным способом! Нет, роль Бадера, видимо, важнее.

Зарубка, весьма вероятно, означает не только – «Я прошел через „Россомаху“, путь свободен».

Что же еще? Не один разум, но и чувство вели меня к новой догадке. Ощущение близости врага, встревожившее Марочкина, передалось и мне. Я рисовал себе второго нарушителя,

крадущегося по тропе, проложенной Бадером и нами, и вдруг четко сложился вывод. Не о своем приходе извещал знаком на косяке Бадер!

Есть другой! Он уже здесь, на нашей земле. Возможно, они одновременно перешли границу. Бадер знал его, мог выдать.

Теперь смерть Бадера более понятна.

Конечно, и это все – догадки. Но я был твердо уверен: с гибелью Бадера схватка только началась. Так подсказывали мне мой опыт, мое чутье.

Следовательно, отрядный поиск надо продолжать. Я встал, разбудил радиста и передал в штаб:

«Предполагаю наличие на нашей территории второго нарушителя».

После этого я лег и, сраженный усталостью, заснул. Когда я открыл глаза, в окна светило солнце. Аношкова сменил на часах Яковлев. Аношков достал из вещевого мешка толстую книгу, счистил с нее налипшие хлебные крошки и сел читать.

Счастливейший возраст! Только вчера он трясся от страха, глядя на убитого взрывом Бадера, а сейчас погружен в роман, который, верно, кажется ему более занимательным, чем жизнь!

«Спать Тихон! – приказал я себе. – Еще рано».

Голова моя съезжала с холодной кожаной планшетки, служившей мне подушкой, я поправлял ее, потом задремал, но какой-то новый звук заставил меня очнуться. Я прислушался. Дом, казалось, тоже пробудился, и что-то в нем настойчиво, мерно поскрипывало.

Ходит кто-то! Рука моя сама потянулась к оружию, и в эту минуту сон окончательно покинул меня.

«Верно, часовой, – подумал я. – Но почему он в доме? Велено же находиться вне помещения и наблюдать».

Тихо, чтобы не тревожить спящих, я выглянул в сени. Снизу, осторожно ступая, поднялся Яковлев с автоматом в руке. Завидев меня, он остановился и перевел дух, но дом не перестал скрипеть. Кто-то шагнул по лестнице, ведущей из сеней на чердак.

Яковлев наклонился ко мне.

– Гражданка какая-то, – шепнул он.

Мы оба двинулись вслед. Неведомая гостья уже влезла на чердак, гулко шагала по доскам, посыпанным песком, и что-то бурчала про себя.

Я тронул за рукав сержанта и застыл сам. Сверху донеслось:

...Выходи-ила на берег Катюша, На высоко-окий, на берег крутой.

Молодой голос выводил песню – первые строки ее – снова и снова. Странно звучала она здесь! Потом гостья замолчала, на чердаке раздалось постукивание. Пробует крепость постройки, что ли? Или ищет что-нибудь?

Я подтолкнул Яковлева. Мы вошли на чердак. Спинай к нам стояла женщина в кожаном пальто и такой же шапке с ушами, какую носят нередко водители автомашин. Руки ее были подняты и шарили по ветхому, прохудившемуся навесу, выбивая облака пыли.

– Ой, кто там! – вскрикнула она и обернулась.

– Это мы вас хотели спросить, – сказал я. – Что вам тут нужно?

Из-под толстого кожаного козырька глянуло на меня обветренное, открытое лицо с мелкими чертами, сперва испуганное, потом приветливое, – лицо красивой женщины лет тридцати пяти. Громоздкая кожаная спецодежда к ней совсем не шла.

– Слава богу! Пограничники! – произнесла она.

Я не успел вымолвить слова, как она шагнула ко мне и протянула руку:

– Бахарева.

– Майор Аниканов, – назвал я.

– Вас, наверно, мое пение привлекло, – засмеялась она. – Пою, что взбредет на ум. А знаете, товарищ майор, вы мне как раз нужны.

– Очень приятно, – ответил я. – Вы приезжая, если не ошибаюсь. Позвольте ваши документы. Мы с вами в пограничной полосе все-таки.

Документы – паспорт, пропуск, командировочное удостоверение института лесного хозяйства на имя Бахарева Екатерины Васильевны – оказались в порядке. Я вернул их ей, козырнул и спросил:

– Что же вы тут делаете, однако?

– Видите, я как раз зашла... осмотреть еще раз хутор, он нам нужен. Не могли бы вы нам помочь?

– В чем?

– В устройстве базы. Для рыболовов и охотников. Пограничники должны заинтересоваться! Вы сами случайно не рыбак?

– Как же, рыбак! – ответил я, взвешивая каждое слово. – Мы ради этого тут и остановились на ночь. Думаем попытать счастья. Но для базы дом вряд ли годится. Жучком съеден. Так ведь, товарищ Яковлев? – обратился я к сержанту, который стоял рядом, с любопытством разглядывая Бахарева.

– Так точно, – отозвался он степенно. – Жучок там, в стенах, прямо-таки...

– Кипит, – подсказал я.

– Точно, товарищ майор. Кипит.

Но Бахарева не отступилась.

– Хоть на время приспособим. А там соберем средства и выстроим хату. При вашем участии. А? Нет, вы должны заинтересоваться нашей затеей.

Хорошо, надо посоветоваться с сослуживцами и дать ей ответ. Иметь базу на озере неплохо. А заодно – вот и повод поближе познакомиться и с Бахаревой и с другими черногорскими рыбаками, посетителями хутора.

Разговаривая, мы спустились по лестнице и стояли теперь на крыльце. Рука Бахаревой рассеянно скользнула по косяку, ноготь чуть задел зарубку...

Невольно я впился взглядом в лицо Бахаревой, но на нем не дрогнул ни один мускул.

– Так вы и ловить прибыли? – спросил я. – Или только дом осмотреть?

– И ловить тоже.

Она выбросила вперед руку.

– Вон там на мысу, видите, я прошлый раз таких лещей поймала! Здесь, у самого дома, не советую пытаться, тут ничего нет. Сюда мы за наживкой ходим, за червями. Лямка мне все объяснил. Мой консультант. Он, собственно, Лямин, – усмехнулась она. – Мы тут целой компанией...

«Тем лучше. Увижу, что за компания», – подумал я.

Женский голос, раздавшийся за кустами, позвал Бахареву, потом появилась худощавая, узколицая женщина в сапогах и синем пальто с подбитыми плечами, с ведерком и удочкой. У нас на севере жены часто сопровождают мужей на рыбалку, и это зрелище не удивило меня.

– Знакомьтесь, – сказала Бахарева. – Это Лена Шапошникова, супруга Лямки. А вот и он сам.

Подошел мужчина в куртке. Прядь волос спущена на лоб, красивое лицо, медленные, ленивые движения. Я не раз видел его в Черногорске. Лямин – администратор Дома культуры.

За ним шли еще двое: преподаватель географии Чернышев, молодой человек с усиками и бачками, в морской фуражке, местный франт, и толстый мастер лесозавода Коробов.

Все они остановились у крыльца. И каждый мог отлично видеть след лопаты Бадера на косяке...

Глава четвертая

В тот же день к вечеру я вернулся в Кереть. Полковник Черкашин ждал меня. Я вошел к нему с ощущением неудачи, не покидавшей меня последние сутки.

– Действовали вы правильно, – было первое, что он сказал. – На хуторе есть кто-нибудь?

– Яковлев и Аношков.

– Хорошо. Пусть посидят пока. Ну, ваши выводы? Что дальше?

Он был верен своему правилу: узнать сперва мнение подчиненного.

– Согласен с вами, – сказал Черкашин, выслушав меня. – Очень хитрая вылазка врага. Ведь что получается? Враги предвидели, что мы, узнав о переходе Бадером границы, не схватим сразу его, а пойдем следом, доведем до хутора. Если только взрыв не случайность, – а это мало вероятно, – то они, значит, предусмотрели наше поведение и выполнили свой план. Да, согласен с вами, – второй нарушитель есть. Это логично. Следа его мы не нашли, но предполагать при данных обстоятельствах можем. Однако поиск я приказал снять. Дали отбой. С какой стати открывать врагу наши предположения, показывать, что мы почуяли второго!.. Пусть думает, что мы успокоились.

Возразить было нечего.

– А я даже сомневаться стал, не напрасно ли мы оставили зарубку на косяке, – сказал я.

Если говорить точнее, – всю дорогу в Кереть меня мучили сомнения. Хутор Бадера посещают многие. Городские рыболовы ночуют в деревушке Ладва-порог, а днем отдыхают, укрываются от дождя на хуторе. Попробуй распознать среди многих того, кому Бадер подал знак!

– Сложное дело, не спорю, – улыбнулся полковник. – А что вы с ней сделаете, с зарубкой? Как спрячете? Обтешете косяк или новый поставите? А? Всем напоказ? То-то и оно! Нет, они тоже не глупцы. В Ладва-пороге колхозники слышали взрыв?

– Нет как будто.

Полковник встал, откинул занавеску, приложил к карте циркуль.

– Четыре километра. Могли услышать. И вы ничего не рассказывали в деревне?

– Нет.

– Напрасно. Все равно взрыв, появление пограничников на хуторе – это трудно спрятать. Вас же застали там люди, Тихон Иванович! Незачем держать в секрете то, что Бадер, бывший хозяин хутора, явился из-за рубежа за своим золотом и подорвался.

– Не совсем понимаю вас, – сказал я.

– Наши догадки мы оставим при себе, разумеется. Пусть считается, что Бадер подорвался случайно.

– Ясно, товарищ полковник!

– Ведь это похоже на случайность, правда? Расчет организаторов вылазки как раз и построен на этом: Бадер погиб как бы от случайной мины. Ну, мы, допустим, ничего не подозреваем. И зарубку не заметили. Понимаете мою мысль? Не будем пугать врага, успокоим его пока, чтобы потом взять врасплох.

И он предложил приглядеться к рыболовам, нет ли среди них людей, проявляющих к хутору повышенный интерес. Врагу удобнее всего включиться именно в такую группу, так как в ней он менее приметен.

– Добро! – закончил Черкашин. – Кому же мы задачу поручим?

Не вдруг дошел до меня смысл вопроса. Ах, вот оно что? Опять смущает мой сорокасемилетний возраст! Помоложе кого-нибудь хочет подобрать!

– Товарищ полковник, – сказал я. – Разрешите мне закончить дело.

Он помолчал.

– Хорошо. Поручим вам.

Был поздний час. За окном расстилалось озеро, – спокойное, холодное, в охвате лесистых берегов. К нему тянулась улица бревенчатого районного городка и по ней, мимо райкома с флагом на башенке, мимо свежесрубленной конторы леспромхоза, шагали люди, ничего не подозревающие о наших заботах и тревогах.

– Значит, беретесь, – говорил полковник. – Смотрите, дело вашей чести, Тихон Иванович. Ну, я рад. Рад, что вы и доведете до конца. Берите Марочкина и... С Яковлевым, к сожалению, придется расстаться.

– С нашим следопытом?

– Да. Он и так сколько сверх срока прослужил! Есть ходатайство от предприятия. Он же мастер по сплаву, хороший мастер. Люди нужны и лесу. Вот еще «Россомаху» разминирруем... Новые уголья передадим хозяйству.

В окно бьет музыка. У самого озера, в парке, вернее, в гуще лесных сосен, сохраненных строителями городка и обнесенных нарядной голубой оградой, зажигаются красные, синие, зеленые фонарики над танцплощадкой, веселится молодежь. Там, за стенами штаба отряда, никто не догадывается, что идет схватка с лютыми врагами нашей мирной жизни.

Глава пятая

Гостиница в Черногорске, где остановилась Бахарева, стоит на огромной, темно-серой, почти черной скале, отшлифованной миллионы лет назад ледником. Многие дома города, почти сплошь деревянного, раскинуты на таких могучих скалах и потому кажутся удивительно легкими и хрупкими. «Спичечный город» – так окрестил Черногорск южанин Марочкин. Однако этот непрочный на вид город – большой и славный труженик. Он шлет в дальние концы страны и за границу грузы смолистых, лимонно-желтых досок, добывает в бурных морских водах рыбу...

Бахарева была у себя. Она писала что-то, на столе лежали раскрытый портфель и планы лесных участков. В большой, пустоватый, грубо оштукатуренный номер она не внесла ничего женского: ни духов, ни безделушек. Только одинокий флакон с одеколоном красовался рядом с чернильницей.

«Неужели Бахарева в самом деле такая спартанка! – подумал я. – Или хочет казаться такой?..»

– А! Вы легки на помине, – воскликнула она. – Я думала о вас. Скоро ли придет майор и доложит...

И она посмотрела на меня с шутливым вызовом. Я сразу же сообщил новости. Начальство отнеслось к начинанию рыболовов положительно. Но поддерживать обреченное здание нет смысла, нужно сооружать новое. Чем мы можем содействовать? Материалами. Быть может, и рабочей силой, но это труднее – ведь предстоит разминирование «Россомахи».

– По пятам за саперами и я пойду, – заявила она. – Слышите! Попробуйте мне отказать!

Она прибавила, что командирована сюда в связи с освоением новых лесных массивов.

Наконец-то «Россомаха» будет обезврежена! Лес там, лес какой гибнет! Да, переставает, портится на корню. А она жалеет лес. Лес – ее стихия. Она родилась тут, на севере, отец ее служил у лесопромышленника. В детстве ее увезли отсюда. Вернулась она молодой специалисткой. Работала в лесу, партизанила тут в этих же краях.

Все это она выложила просто, с откровенной прямоотой, а о партизанском своем прошлом упомянула тоже просто, стороною и как бы невзначай.

Значит, она партизанка! Вот откуда эта спартанская суровость!

– Лицезрели Лямку с женой? Да, и она рыбачка. Того и гляди, себя зацепит крючком за ухо!

– Говорят, они бежали вместе из Ютоксы? – спросил я.

– Да. Она говорит, если бы не Лямин, не быть бы ей живой. Он организовал побег и вообще вел себя очень храбро.

Передо мной возникли обгорелые бараки – черные, длинные, как огромные гробы, – опаленные сосны. Кто здесь не слышал о Ютоксе, страшном лагере для советских пленных! Остатки его и сейчас виднеются в лесу, в нескольких километрах к западу от «Россомахи». Говорят, наши войска застали там костры из трупов. Гитлеровцы делали настил из досок, клали тела убитых, потом еще доски и еще тела, обливали горячей смесью и поджигали. Перед бегством своим стремились уничтожить всех. Спаслись из Ютоксы немногие.

Бахарева прибавила, что заключенные, бежавшие из лагеря, нередко попадали в партизанский отряд, где она была замполитом. Их подкармливали и провожали дальше, через линию фронта к своим. Но Шапошникова и Лямин миновали партизан, сами нашли путь. Так что Бахарева только теперь, увидевшись со своей приятельницей довоенных лет, узнала о ее злоключениях и о спасении из плена.

– Я и понятия не имела, что Ленка здесь. Приезжаю в Черногорск, захожу в магазин, смотрю – Ленка! Бывают же встречи!

Я почти не задавал вопросов Бахаревой. Она углубилась в воспоминания, беседа наша пошла легко. Подробно рассказала она о Шапошниковой и Лямине.

Лена была на войне санитаркой, участвовала в разведке боем, кончившейся неудачно, блуждала по тылам противника и угодила в Ютоксу. Это было в августе 1942 года. Направляли в Ютоксу самых здоровых пленных, достаточно сильных, чтобы долбить лопатами каменистый грунт, укреплять «Россомаху». После работы валились почти без чувств на нары, но нередко вскакивали среди ночи и били крыс, что вменялось заключенным в обязанность, так как крысы грабили кладовые, грызли обувь. Штурмбанфюрер Цорн, помощник начальника лагеря, ввел даже премию: за каждый десяток убитых хищников – добавочную порцию овсяной похлебки.

– Да, мы в отряде были в курсе жизни Ютоксы, – сказала Бахарева. – Мы думали даже освободить пленных, но у гитлеровцев была очень сильная охрана...

Лямин появился в Ютоксе тоже в 1942 году. По словам Шапошниковой, его взяли в плен где-то на Украине. Лагерь расширялся, «Россомаха» требовала все больше рабочих рук.

– Да, проклятое место – «Россомаха», – сказала Екатерина Васильевна помолчав. – Очищайте, очищайте ее поскорее. Прощупайте все как следует, все что там есть.

Я спросил, что же там может быть, кроме траншей, дзотов и мин?

– Точно не знаю... Если не спешите, расскажу вам один эпизод. Нам, партизанам, его не раз рассказывали очевидцы.

Однажды из Ютоксы, в пролом, сделанный в ограде, бежали десять заключенных. Побег удался лишь наполовину – пятерых поймали.

Наутро их выстроили на площадке перед бараками. Цорн расхаживал взад и вперед и держал речь. Беглецы-де не оценили Ютоксы, лучшего из лагерей, не оценили справедливейших начальников, пожелали уйти к большевикам, где бы их наверняка расстреляли как изменников, сдавшихся в плен. Цорн вообще часто похвалялся своей справедливостью и приводил в пример прежде всего премии за крыс. Он говорил по-русски без малейшего акцента, так как вырос в России. После каждой фразы штурмбанфюрер подходил к кому-нибудь из беглецов и наотмашь бил хлыстом по лицу. К концу речи лица их были залиты кровью.

Закончил Цорн тем, что с провинившимися будет поступлено по приказу фюрера. Никто не видел казни. Все пятеро исчезли. Их увели в хвойную чащу, начинавшуюся сразу же за лагерем, и что с ними стало – неизвестно.

Люди не раз исчезали таким образом. Это случалось с теми, кто был неугоден обер-палачам. Против фамилии такого человека Цорн ставил за каждый проступок минус. Наберется дюжина минусов – глядишь, и нет человека. Ни в списках, ни на работе, нигде. Никто никогда не находил его трупа в лесу. Никаких следов!

По слухам, штрафников уводили в подземелье, под «Россомаху»...

В числе пятерых, бежавших тогда и погубленных фашистами, была одна русская девушка. Цорн в своей речи отозвался о ней как о провинившейся особо. При этих словах девушка вдруг выпрямилась и крикнула что-то. Ей тут же зажали рот и увели.

– А как она выглядела, эта девушка? – перебил я Бахареву.

– Обыкновенная девушка, как мне говорили. Худенькая. Впрочем, там все были худенькие. Называл ее Цорн по номеру... Высокая. Светлые волосы. Больше, по-моему, никаких примет мы не получили, хотя интересовались ею. Что с вами?

– Ничего, – проговорил я, проводя ладонью по лбу. – Продолжайте, пожалуйста.

«Спокойно, Тихон, спокойно, – сказал я себе. – Мало ли на свете высоких, светловолосых девушек!»

Но странное дело, Бахарева стала вдруг ближе мне. Вообще я не склонен раскрывать душу мало знакомому человеку, а тут, неожиданно для самого себя, сказал:

– Видите ли, здесь воевала моя дочь, Татьяна Аниканова... Она не вернулась из разведки...

– Простите, что я...

– Нет, ничего. Продолжайте, пожалуйста.

– Мы все потеряли близких. Правда, у меня семьи нет, так жизнь сложилась... Но я понимаю вас.

Она участливо коснулась моей руки.

– Что же крикнула она? Та девушка? – спросил я. – Так и неизвестно?

– Мы старались выяснить. Будто бы девушка крикнула: «Доживете до воли, так передайте, что на „Россомахе“»... Ей не дали кончить.

Что же на «Россомахе»? Пленница, видимо, что-то обнаружила, знала что-то важное. Она несла известие нашим и не хотела умереть, не выполнив своего долга. И крикнула, обращаясь к тем, кто, может быть, выживет и вырвется на свободу.

– Партизаны, наверно, обсуждали это событие, строили предположения? – поинтересовался я.

– Да, мнений было много, – сказала Бахарева. – Большинство сходилось на том, что она знала систему оборонительных сооружений «Россомахи». Или какую-нибудь особенность их.

Много позже партизаны помогли бежать из лагеря пленному летчику. В отряде он рассказал, что разговорился однажды со стражником – немцем. Онезорге – кажется, так звали стражника – сказал, что передал девушке перед ее побегом один предмет. Если летчик уловил правильно – кисет. Этот кисет у нее не нашли, когда схватили ее, значит, она успела передать его кому-то из товарищей. И теперь, мол, кисет, надо надеяться, за линией фронта.

– А что еще он сказал летчику?

– Пусть-де русские не думают, что все немцы фашисты. Это летчик хорошо понял.

– Кисет? Может, в нем что-нибудь было спрятано? Послушайте, – вдруг воскликнул я, – случайно к Лямину он не попал? Ведь Лямин был награжден за доставку нашему командованию ценных сведений. Не вместе ли с этой группой он бежал?

– Не знаю. Не спрашивала. Да и летчик, может быть, напутал просто...

– Онезорге, – произнес я. – Любопытная фамилия. Онезорге по-нашему – Беззаботный.

Я вдруг испытал своеобразное чувство. Мне показалось, что я где-то встречался с Онезорге или слышал такую фамилию.

Но память ничего не подсказала мне.

«В кисете могла быть схема, скатанная в комок и спрятанная в табаке, – подумал я. – Схема „Россомахи“. Девушка, хоть и передала кисет товарищу, опасалась, вдруг и он не дойдет. И крикнула всем...»

– Вы поговорите с Ляминым, – предложила Бахарева. – Я ведь рассказываю со слов других, а он, может, в курсе сам... Поговорите непременно.

Я уже решил сделать это. И не откладывая. Но сперва мне хотелось узнать о нем и его жене побольше.

– Итак, Лямин и Шапошникова поженились, – сказал я. – Слышал я об этом. И как же они живут? Счастливы?

– Более или менее, – усмехнулась Бахарева. – Ленка ревнует его дико. И в рыбачество ударилась на этой почве, вы видели. Он, конечно, не без греха, заглядывается на молоденьких, как все вы, мужчины... В Доме культуры ансамбль песни и пляски, кружки кройки и шитья, – представляете, как Ленка переживает. Ужас! Но он от нее не уйдет.

Бахарева болтала, добродушно посмеиваясь, и я не удерживал ее. Вдруг выплывает что-либо, чего мы еще не знаем.

– Плохо ли Лямке! Елена – местная, черногорская. У нее тут дом, доставшийся от родителей, корова, куры. Жалованье администратора не ахти какое, так что... На Украине где-то осталась у него прежняя жена, но с ней все покончено. Так он сам уверяет, и я лично не склонна сомневаться. Худо ли ему в Черногорске!

Я встал.

Прощаясь, она задержала мою руку.

– Извините, вы не хотите именно сейчас зайти к Лямину?.. Он взял несколько дней в счет отпуска и вот-вот укатит на озеро. Я рада вам помочь, и, может быть, со мной вам удобнее...

Она смотрела на меня прямо, искренне. Трудно было заподозрить в этом взгляде заднюю мысль...

– Хорошо, – сказал я.

Тем лучше, пойдем вместе – значит, супруги Лямины не будут предупреждены о моем посещении, о том, что меня занимает тайна казненной пленницы и загадочный кисет.

Я не мог логически связать эти давние события в лагере Ютокса с нынешними, с приходом Бадера, но и разум и чутье повелевали мне не отступаться, искать.

Глава шестая

Дом Шапошниковой, деревянный, когда-то крашенный, но облезший от сырости, низкий, с выцветшими резными наличниками, стоял на краю города, на огромной, плоской каменной глыбе, треснувшей во всю длину. Глубокая, рваная расщелина словно пощадила дом, обошла его и лишь отделила от соседних построек. За домом – серая ширь реки, которая, там и сям вскипая на порогах, несла свои воды к морю.

Спутница моя дернула железное кольцо. С минуту скрежетали, звенели запоры. Наконец, дверь отворилась.

– Принимай гостей, Лена, – возгласила Бахарева входя.

– Ох, а я в таком виде! – жеманно воскликнула хозяйка. – Сюда, будьте добры.

Одета она была по-домашнему, но опрятно, и оправдываться было вовсе незачем.

– Помешали вам, верно, – сказал я. – Виновата Екатерина Васильевна. Она меня затащила.

– Да уж, от нее не вырветесь, – отозвалась Шапошникова тем же наигранным тоном.

Мы вошли в кухню, пылавшую красной медью старательно начищенных кувшинов и тазов, затем в чистую, просторную горницу в три окна. В простенках висели увеличенные фотографии родственников, дородных поморов и поморок, в черных рамках, украшенных пучками бессмертников.

Лямин сидел в углу и чинил сапог. Поздоровавшись, хозяин попросил нас сесть и вернулся к прерванной работе. Орудовал он толстой кривой иглой усердно, но с какой-то театральной нарочитостью в движениях. Широким, плавным жестом отводил иглу, вскидывал голову и оглядывал нас с улыбкой, как бы говорившей: полюбуйтесь, я и это умею. Никаким делом не гнушаюсь!

– Мы с новостями, – сказала Бахарева. – Пограничники поддержат нас. База у нас на озере будет. Вот, благодарите Тихона Ивановича.

Лямин вскочил с места, вытер свою мягкую, пухлую руку о резиновый передник и протянул мне.

– На лов собираетесь? – спросил я.

– Так точно, товарищ майор, – отозвался он.

Бахарева разглядывала старую олеографию на стене. Яркие раскрашенные сценки из немецких народных сказок: Черный Петер, лесной житель из Шварцвальда, храбрый портняжка, крысы, сожравшие епископа, и нюрнбергский игрушечных дел мастер, изделия которого обрели жизнь. Под картинками – готической вязью – стихотворения. Должно быть, кто-нибудь из дедов Шапошниковой, водивших по морю парусники, купил этот лубок в иностранном порту.

– Не про нас писано, – молвила Бахарева отходя. – Товарищи, я рассказывала майору о Ютоксе. Про ту девушку, о которой потом так много говорили, помните? Вы не вместе бежали?.. У майора дочь была на этом фронте, Татьяна, не вернулась из разведки, так может быть... Вы-то знаете больше.

Лямин повернулся ко мне. Все притихли.

– Да, та девушка была в нашей группе. Называла она себя Анной, – сказал Лямин просто и на этот раз без рисовки. – Но если она была разведчицей, то, вероятно, умалчивала о настоящем своем имени.

– Вполне возможно, – отозвался я. – Любопытно... У нее был кисет какой-то?

Повторять вопрос не пришлось. Что-то дрогнуло в лице Лямина. Или показалось? Он быстро поднялся.

– Извольте, могу продемонстрировать! Мы вам не говорили разве, Екатерина Васильевна?

Он вышел в соседнюю комнату. Там загрохотали выдвигаемые ящики. Через минуту вернулся и подал мне темный кожаный кисет, перетянутый тесемкой, скрученной из двух полосок кожи – красной и черной – с кисточками.

– Храню на память, – сказал Лямин. – Как-никак, награду от командования получил.

– Я уж мыла его, мыла, – прибавила Шапошникова. – Весь в земле был.

Слушая непринужденную, неторопливую речь Лямина, я упрекнул себя за излишнюю подозрительность.

– Память о ней, молодой героине, – продолжал он. – Говорят, видная спортсменка была...

У меня перехватило дыхание. «Ташка? Спокойно, Тихон! – удержал я себя. – Мало ли было спортсменов на войне! Разведчицы, лыжницы. Не отвлекайся, слушай, помни, зачем ты здесь!»

Лямин продолжал. Да, кисет был у нее, у той девушки. Ее нагоняли стражники, но она успела все-таки отдать кисет ему, Лямину. Он не мог помочь ей, безоружный... Ее схватили. Но он довел ее дело до конца, доставил кисет командованию Советской Армии. В кисете была схема одного из узлов сопротивления «Россомахи». На тонкой папиросной бумаге, скатанной в комок.

Сообщая это, Лямин не хвастался. Тут он оказался скромным.

– К сожалению, благодарность досталась мне, не ей, – закончил он.

«Ташка, моя Ташка родная! – звучало во мне. – Неужели это ты! Неужели это твой привет пришел ко мне с этой вещью, неужели в твоих руках она была! Привет через колючую проволоку Ютокси, через муки и смерть...»

Должно быть, я все же обнаружил свое волнение. Все смотрели на меня. И Бахарева, умница Бахарева выручила меня.

– Да, мы все потеряли близких, – сказала она.

– Ох, не говорите, кошмарные годы, – вставил Лямин, теперь уже с обычной своей театральностью. – Кошмарные! Давайте, оставим грустную материю, – сказал он после паузы и подбросил на руке готовый сапог. – Теперь, я полагаю, ваша очередь рассказывать, товарищ майор.

– И у меня веселого мало, – ответил я.

– Ну, ну! Наши бодрые, мужественные стражи границы! – продекламировал он. – А я хочу к вам на поклон идти, в отряд. Ну, хоть плачь, нет хорошей пьески на пограничную тему. Мечтаю как-нибудь, упорядочив бюджет времени, поживиться фактами, боевыми эпизодами у вас, сесть и попробовать написать.

– Извольте, – сказал я. – Недавно был эпизод...

И я рассказал про Бадера. Историю человеческой жадности и стяжательства, оборванную случайной гибелью.

Лямин, как и остальные, слушал внимательно, но совершенно спокойно.

Я спросил попутно, не знает ли кто, чем угождал Бадер оккупантам. Говорят, был поваром при штабе укрепленного района, на «Россомахе». Но ведь поварское жалованье невелико, дома на него не построишь.

– Бадер? – произнесла Бахарева. – Стойте, стойте... Он был на заметке у нас в отряде. В числе предателей. Но в чем его обвиняли... Право, не помню.

Лямин наморщил лоб.

– Нет, никогда не слыхал такой фамилии. Нет, нет. Категорически нет.

На том и закончился наш визит. Мы вышли, Екатерина Васильевна крепко тряхнула мою руку и попросила заходить.

Я обещал.

На пути в Кереть я спрашивал себя, – чего же я добился за этот день? Ничего! Разгадка миссии Бадера не подвинулась ни на шаг.

Глава седьмая

Вернулся я из Черногорска поздно, долго не ложился. Белесая пустота за окном раздражала меня.

«Спокойно, Тихон! – говорил я себе. – Как будто ты новичок на севере! Пора бы уж привыкнуть!» Но, конечно, не белая ночь была виновата в том, что я не находил покоя. События последних дней породили томительное нетерпение. словно дергаешь, дергаешь закрытую дверь, она трещит, приоткрывается и все-таки не впускает тебя.

Вспоминались Ютокса, Ташка, кисет, наш немецкий друг Онезорге.

Онезорге! Где же я встречал это имя? Взгляд мой задержался на полке над столом. Там лежали старые тетради – мои дневники военных лет. Я снял пачку и сел ближе к окну. Бревенчатый городок спал под шум озера и ветра, спал чутко, оставив на главной улице желтые, ненужные огни в качающихся фонарях.

Долго перелистывал я пожелтевшие страницы и вот в последней тетради, под датой – 5 июня 1945 года, встретил, наконец, имя Ганса Онезорге.

Едва начав читать запись, я понял почему это имя не вызывало в памяти точного образа человека. Уж очень непохож на свое имя был Ганс Онезорге. Никаких признаков беспечности, – как раз напротив. Из скупых строк возникал передо мной человек еще не старый, но сгорбившийся, худой, с землистым, нездоровым цветом лица. Конечно, он не всегда был таким. Я столкнулся с ним тогда, когда он вышел из гитлеровской тюрьмы.

Да, совсем не шло ему быть Онезорге, и я, помнится, никак не мог запомнить его фамилию и путал ее. Свобода, казалось, не радовала Ганса. Он не улыбался. Строгий, с пронзительным, обличающим взглядом запавших глаз, он подошел ко мне и попросил позволения обратиться с речью к населению города.

Это было в Виттенберге на Эльбе, где жил и проповедывал Лютер. Старинная, почерневшая от времени двурогая готическая кирха возвышалась над площадью. Близ нее стоял гипсовый Лютер, лежали кучки каменных ядер и вращалась в землю медная пушка. Эти памятники средневековья были как будто вынесены из музея. И тут же, под сенью кирхи, лихо наигрывала пластинка, созывая народ, наша звуковещательная машина – синяя, с двумя рупорами.

У микрофона мы разъясняли жителям Виттенберга задачи Советской Армии в Германии. Я говорил о том, что гитлеровская тирания, вовлекшая страну в огонь войны, сгорела в нем сама и не воскреснет из пепла, призывал уничтожать остатки гитлеризма, очищать от них страну, начинать строить новую жизнь.

Тут и подошел ко мне из толпы Ганс Онезорге и попросил слова.

Помнится, говорил он быстро и не очень связно, но с большой силой гнева. Я не записал его выступления целиком. Оно было направлено против военных преступников, нашедших пристанище в городе и хитро маскирующихся. Я взял их на заметку: Гешке, Лаушер, Цорн...

Цорн! Роберт Цорн! Дневник чуть не выпал из моих рук. Цорн! Помощник начальника лагеря Ютокса!

Тогда, в Виттенберге, я ничего не знал о «Россомахе», о Ютоксе. Ганс не называл их. Характеристика, которую он давал каждому из трех гитлеровцев, была краткой.

Про Цорна в дневнике было всего четыре строки. Вот что я прочел:

«Цорн – отъявленный злодей. Он ломает комедию: „Я-де пострадал от Гитлера. Меня разжаловали!“ Я, правда, не присутствовал, когда Цорн закончил службу, так как он загнал меня в тюрьму, но от товарищей мне известно, за что его разжаловали. Он потерял голову от страха. Он бежал от русских и не уничтожил то, что ему велели уничтожить».

Тогда я наспех записал это и вскоре забыл. Мало ли было таких цорнов! Мало ли митингов было на площадях немецких городов, вокруг громкоговорящей машины!

Заняться Цорном, Гешке, Лаушером – это уж было делом местного советского коменданта. Я тотчас после митинга уехал из Виттенберга.

На всякий случай я все-таки дочитал дневник. Пестрели названия городов, имена. Нет, больше дневник ничего не напомнил мне. Да и смешно было надеяться. В Виттенберг я больше не заезжал. С невольной досадой захлопнул я тетрадь.

А мог бы заехать. Был рядом – в Ютерборге. И быть может, узнал бы что-нибудь о Цорне. По крайней мере комендант, возможно, рассказал бы мне, что стало с негодяем Цорном. Разоблачили его, призвали к ответу?

Он не уничтожил то, что ему велели уничтожить. К чему это относится? К «Россомахе»? Но ведь Цорн служил в лагере и не отвечал за «Россомаху». Да, гитлеровцы, уходя, оставили оборонительные сооружения и минные поля нетронутыми, – но ведь не за это же разжаловали Цорна! Тут он ни при чем. А в лагере Ютокса мало что уцелело. Бараки гитлеровцы подожгли, а о судьбе заключенных свидетельствуют костры из трупов, догоравшие там, когда пришли наши.

Не уничтожено что-то другое. Я встал, заходил по комнате, открыл окно и впустил сырой, холодный ветер. Что же другое?

Как вам передать мое состояние! Дверь, которую я силился открыть, подалась еще раз, но опять лишь приотворилась, и я ничего не успел разглядеть.

Напротив, тайна сгущалась.

Тайна, еще недавно связанная только с Бадером, с зарубкой на косяке, теперь охватывала и минные поля «Россомахи». Я не видел, не мог видеть связи между Бадером и Цорном, но чувствовал: какая-то связь, пока скрытая, есть!

Что же оставил Цорн на «Россомахе»?

Может быть, та девушка, отважная русская девушка, которой палачи зажали рот, знала?

«На „Россомахе“», – крикнула она и ей не дали кончить. Она уже передала кисет со схемой, спрятанной в табаке. Да, уже передала! Я думал об этом и раньше, но теперь эта истина была по-новому ясна и значительна. Так что же она хотела сообщить нашим этими словами

– «На „Россوماхе“... Что-нибудь еще о системе обороны? Но есть ли смысл кричать во всеуслышание? Противник внес бы изменения в свою «Россوماху» – вот и все. Внес бы немедленно – рабочей силы у него хватало. Нет, такие данные имеют дену лишь тогда, когда передаются тайно от врага. В кисете, например.

Значит, она знала что-то еще. Может быть, более важное. То, что оставил Цорн?

Цорн был разжалован. Эту меру применяли к офицерам в Германии чрезвычайно редко. Стало быть, он серьезно провинился. Потерял голову от страха, как сказал Онезорге. Не уничтожил...

Еще и еще раз я представлял себе день казни в Ютоксе, пленницу, избитую хлыстом Цорна, ее порыв, ее крик. И невольно виделась мне на ее месте Ташка. Моя Ташка. Да, я видел ее в ряду приговоренных и, казалось, слышал ее голос.

«Ташка! Ответь мне Ташка, это была ты? Это похоже на тебя, Ташка, ты никогда не была робкой.

Значит, кисет, принесенный Ляминам, – от тебя? Значит, ты знала?.. Тайна у тебя, Ташка? Они убили тебя, но неужели твоя смерть помешает мне узнать твою волю – то, чем ты жила последние минуты...» – Так я говорил с ней мысленно, снова листая дневник. Потом закрыл уставшие глаза. И Ташка в серой одежде узника, с номером вместо имени, стояла передо мной, шла ко мне...

Утром я вошел к Черкашину. Доложив ему о поездке в Черногорск, об изысканиях в дневнике военных лет, я сказал:

– Получилось так, товарищ полковник: бился над одной задачей, не решил, а тут возникла вторая. Голова кругом, откровенно признаться.

В самом деле, мы так и не знаем, для кого оставил Бадер свой знак на косяке, существует ли предполагаемый второй нарушитель. История с кисетом, рассказанная Бахаревой, обратила мое внимание на Лямина, но ничего против Лямина у меня нет. Его тревога, почудившаяся мне, даже не повод для сколько-нибудь обоснованных подозрений. Действовал Лямин в конце концов хорошо – командованию нашему оказал помощь...

А тут еще появилась тайна «Россوماхи», по виду ничем не связанная с Бадером. Как к ней подступиться? И стоит ли вообще ломать голову над тем, что когда-то забыл, не уничтожил на «Россوماхе» Цорн, обезумевший от страха? Боюсь, это отвлечет меня от главной задачи, собьет с начатого пути.

Словом, я выложил полковнику все свои раздумья и затруднения.

Я ожидал, что он учинит мне разнос и скажет: «Работаете растопыренными пальцами», – любимое выражение Черкашина, означающее крайнюю распыленность, несогласованность. Но он сидел молча, постукивая по столу, погруженный в свои мысли. Потом встал и откинул занавески, скрывавшие от посторонних глаз карту.

– Вы помните в прошлом году два взрыва, – он показывал на район «Россوماхи». – Здесь и здесь?

– Лоси подорвались как будто, – сказал я.

– Вы не в курсе, Тихон Иванович, вы тогда были заняты другим делом. Я послал минеров. Лосей не нашли, к вашему сведению. Выяснили, не пострадал ли кто из местных жителей от мин, не пропал ли в лесу. Никто! Может, барсук, землеройка вызвали взрыв или живая росوماха, настоящая... Бывает, конечно. Но потрянуло здорово. Завалило траншеи.

– Странно, – сказал я.

– Да. Вот вы сказали про Цорна, я и вспомнил. Может быть, и верно оставлено что-то важное. И кто-то пытается устранить то, что не успел убрать Цорн.

– Кто же? – вырвалось у меня.

– Возможно, тот, кто подложил мину Бадеру. И принял его сигнал. А? Все это предположения, конечно, но вы не отчаивайтесь. Мы имеем дело с очень хитрым, ловким противником.

Поэтому нужна выдержка. Действуйте и впредь за двоих – как пограничник и как чекист, хотя бы даже пришлось выйти за пределы погранполосы.

– Слушаюсь, – ответил я с готовностью.

Обычно функции чекистов мы на себя не берем. Но, очевидно, получена санкция высшего начальства...

– Наверху согласовано, – кивнул Черкашин, как бы угадав мои мысли. – Вы ведь к тому же бывший чекист. Не забыли, надо полагать?

– Никак нет.

– Ну вот. И начальство не забыло. А главное – случай ведь исключительный. «Россомаха» у границы, все нити ведут к ней. На вас, Тихон Иванович, возлагается большая надежда.

С этим напутствием и еще с некоторыми инструкциями я ушел от Черкашина.

Глава восьмая

Через день после моего разговора с полковником на «Россомахе» произошел новый взрыв.

Место взрыва довольно точно определил Кузякин, наш радист, участвовавший в походе через минные поля по следам Бадера.

Кузякин возвращался на заставу из Черногорска, куда ездил по увольнительной. Вертикальный «газ», именуемый в просторечье «козлом», катился по ухабистому проселку, огибающему «Россомаху» с юга. Водитель остановил машину у моста через поток и пошел за водой, чтобы залить радиатор. В это время и ударило на «Россомахе». Слух у радиста натренирован, Кузякин сразу сказал себе, что это именно взрыв, а не что-нибудь другое: не обвал, не падение дерева-гиганта в лесу. Солдат указал и направление, откуда донесся грохот.

Одновременно часовой на заставе, на бревенчатой вышке, вздымающейся над вершинами елей, заметил вдали черный сгусток дыма. Об этом также было доложено в штаб.

Кстати говоря, Черкашин приказал всему отряду присматриваться к «Россомахе», и поэтому то, что взрыв был замечен, нельзя считать случайным.

Разминирование «Россомахи» еще не началось. Первые минеры, углубившиеся в нее со своими щупами, прокладывали путь только для меня.

Марочкина, к сожалению, с нами не было. Он уехал в Москву сдавать зачеты на сессии в академии.

Я не стану описывать подробно этот второй мой поход через минные поля. Он был не так опасен, но утомителен. Минеры, держа перед собой щупы – длинные палки со стальными остриями, – вонзали их в землю. Вонзали дважды и трижды при каждом шаге. Шли, прощупывая впереди землю, шли медленно, нестерпимо медленно.

Ночевали в лесу. Место взрыва мы обнаружили лишь на другой день к вечеру.

Сквозь редкие деревья показалось темное пятно вывороченной почвы. Мы подошли к краю воронки. Хотя, впрочем, эту яму и воронкой-то трудно было назвать. Очевидно, взорвалось несколько мин, уложенных в траншею, – и траншея обрушилась.

Похоже, траншея была заминирована. Да, так оно и есть! Мы обследовали ее, и другого вывода быть не могло.

Но как это объяснить?

Конечно, мне тотчас же пришли в голову слова Черкашина: «Кто-то пытается устранить то, что не успел убрать Цорн». Если это применимо и здесь, то, значит, взорвать эту траншею должен был еще Цорн. И мины заготовили для этого.

Мы перерыли все, надеясь найти хоть намек на разгадку. Решительно ничего!

Траншея была неглубокая. Она напоминала скорее ход сообщения, по которому надо идти пригнувшись, а местами и ползти. Но ход не имел связи с другими окопами или укреплениями, и я все-таки видел здесь траншею. Ее, по всей вероятности, начали копать незадолго до наступления наших войск и не закончили.

Зачем же, зачем надо было ее взрывать? Еще недавно, когда я беседовал с Бахаревой, тайна «Россомахи» заключалась для меня в кисете, появившемся неизвестно откуда у стражника Онезоре, затем врученном пленной девушке и попавшем к Лямину. Потом оказалось, что в кисете была схема узла сопротивления, а тайна «Россомахи» не исчерпывается ею. Это подтверждали и загадочные взрывы в прошлом году. И вот новый взрыв, новое осязаемое свидетельство тайны...

Если врагам нужно было только засыпать, скрыть эту неоконченную траншею, то им удалось бы это, будь мы менее зорки. Прошло бы два – три месяца, и зелень молодой травы украсила бы, укрыла от нас этот темнорыжий рубец в каменистом грунте.

«Довольно, Тихон! – одернул я себя. – Нечего гадать. Занимайся делом! Тот, кто взорвал, оставил, верно, какие-нибудь следы».

Прилегающая местность подверглась самому тщательному изучению. Следы кое-где остались, но их едва можно было различить. Здесь смятый мох, там сломанная ветка. Однако мало, очень мало для того, чтобы понять, откуда пришел неизвестный, куда отправился. Собака взяла след, но остановилась на берегу озера. Зато мы нашли другое, и весьма существенное, – кровь. Да, кровь краснела на сером круглом голыше. Кровь была на листе папоротника, на корне березы.

Враг, значит, ранен? Не доглядел или не предвидел силы взрыва?

Ценность такой находки ясна. Рана – примета, по которой можно искать врага. Если он и не обратится к медикам, будет лечиться сам, все-таки раненого обнаружить легче. Примета, бесспорная и на ближайшее время неистребимая, у нас есть.

Словом, мы как будто достигли некоторого успеха. Дверь, замыкающая тайну, приотворилась немного шире.

Наутро я докладывал Черкашину. Были приняты меры, нужные для того, чтобы установить личность человека, подорвавшегося на «Россомахе». Не стану перечислять их. Конечно, они нисколько не освобождали меня от забот и ответственности. За две недели я побывал во всех медицинских учреждениях нашего участка пограничья, у всех врачей.

«Нет, никто не подрывался», – отвечали мне. Никто не был ранен миной. Ни у кого нет травмы, подобной той, какую причиняет взрыв.

Помог нам дед Хаттоев, личность в этом крае известнейшая. До войны он прославился тем, что приручил лося, запряг его в сани и прибыл в областной город. Привязал лося к фонарному столбу на главной улице, пошел к председателю облисполкома и предложил посмотреть... В дни войны, когда в родную деревню Хаттоева – глухую затерянную среди болот – вошел взвод гитлеровцев, крестьяне, по совету деда, приняли их с хлебом-солью, уложили спать, а ночью всех до единого прикончили. Только через год добрались гитлеровцы до этой деревни, но людей не застали – жители ушли в леса, а многие, в том числе сам Хаттоев, влились в партизанский отряд, тот самый, в котором воевала Бахарева. Теперь Хаттоев – главный советчик во всех сельских делах, инициатор всего нового. Кто первый посадил мичуринскую стелющуюся яблоню, не боящуюся студеных ветров, прячущую свои ветки в снегу? Дед Хаттоев! Кто следив, как прижились мальки, выпущенные в озера ихтиологами, кто изучает повадки и переселения лесного зверя? Все он же.

Дед Хаттоев соорудил у отдаленного Сонд-озера избушку. Раз или два в году, во время охотничьих своих экспедиций, он останавливается там, иногда на месяц или полтора. Верный законам севера, дед не возбраняет и другим охотникам пользоваться избушкой.

Да, он-то, дед Хаттоев, и помог нам.

Он известил нас, что в избушку, в его отсутствие, наведася необычный гость. Не похоже, чтобы он был занят охотой или рыбной ловлей. В избушке он был, по-видимому, недолго, судя по тому, как мало ubyло дров, спичек, соли. Ничего этого деду не жалко, понятно. Эти припасы – для каждого, кому есть в них нужда. Но посетитель шарил по всему жилищу, рылся в вещах деда и унес пару башмаков. Башмаки не новые, но пришелец положил в солонку, очевидно в виде платы, сто рублей. В печке дед нашел бинт со следами крови.

Вы представляете себе, конечно, как эта новость была кстати!

Свое сообщение дед Хаттоев передал через солдата-пограничника и теперь ждал меня к себе.

От Керети до избушки Хаттоева не меньше ста пятидесяти километров. Больше половины пути надо трястись в седле – по извилистым тропам, по каменистым кручам и перевалам.

Двое суток такого пути измучили меня вконец. Я лежал в избушке на топчане, покрытом душистым лапником, а дед кормил меня рыбником – ватрушкой с рыбой, запеченной целиком.

Свистел ветер, избушка ходила ходуном, и, казалось, только сам дед – плечистый, с окладистой бородой – удерживал утлое строенье на месте своей тяжестью.

– Ну, скоро ли Колю отпустите? – спросил дед, снимая с огня огромный пузатый чайник.

Речь шла о сверхсрочнике Яковлеве, нашем слепопыте, доводившемся Хаттоеву родственником.

– Скоро, – отвечал я. – На днях уволится.

– И ладно, – рассуждал дед. – Мало людей в лесу. Мало, мало.

Когда я умолкал, уходя в свои мысли, дед продолжал говорить, по привычке северян, сам с собой. Он был постоянно в движении. Хоть и немудреное хозяйство, а дело старик находил всегда, жилистые руки его держали то нож для отделки шкурок, то ружейную гильзу, то рыбачий невод.

Я разглядывал бинт. Пятна крови на нем повторялись, становясь бледнее. Один конец бинта обгорел, должно быть пришелец хотел сжечь его, но огонь в печке погас. Как определить, куда был ранен неизвестный? Способ один – бинтовать себя в разных местах, пока пятна крови не совпадут, не лягут одно на другое.

Не очень-то приятно прикладывать к своему телу чужой, грязный бинт, вымазанный в крови и в саже. Но ничего не поделаешь. Я разделся.

Дед помогал мне. Я перебинтовал ногу выше колена – нет, не здесь, пятна далеко разошлись. Стал бинтовать ниже колена. Почти в самый раз! Моя нога, наверно, потолще. Но сомнения нет – пришелец был ранен в ногу.

Рана была, видимо, легкая. Он быстро оправился и ушел. Его просто царапнуло.

«Дешево отделался», – подумал я, вспомнив осыпавшуюся траншею.

Теперь можно пенять, зачем ему потребовались башмаки деда. Сменить обувь! На пришельце были, должно быть, сапоги. Осколок, задевший его, порвал голенище. Враг опасался преследования, его пугало рваное голенище, оно могло выдать его.

И он взял башмаки. А куда же он дел свои сапоги? Он не оставил их деду в обмен. Предпочел положить деньги. Следовательно, он спрятал их.

«Ну, Тихон, – сказал я себе, – ищи сапоги! В лепешку разбейся, но найди!»

Избушка невелика. Вместе с дедом я быстро обшарил ее. Нетрудно было убедиться, что тут сапог нет. Нет их и под срубом. Я вышел наружу. Надо поставить себя на место врага. Вот он вышел из избушки и соображал, озираясь, куда бы засунуть сапоги. За деревьями, глубоко внизу, синело Сонд-озеро. Бросил в воду? Нет, сапоги прибьет к берегу, не уплывут они далеко. Сунул в чашу? Да, это скорее всего. В чашу или в нору, под пень.

Целый день и ночь я бродил по лесу, ползая на четвереньках, раздвигая заросли елочек, особенно густые в сырых впадинах. Напрасно!

И все-таки засела, прочно засела в сознании уверенность, что сапоги спрятаны. Они где-то здесь...

Вдруг фигура врага, рисовавшаяся в моем сознании, обрела черты Лямина. Я представил себе Лямина, тачающего сапог. Вот он картинным взмахом отбрасывает в сторону руку с кривой иглой, как бы говоря: «Смотрите, я и этой работой не гнушаюсь». Он подшивал носок, носок правого сапога, желтоватой дратвой.

Служба на границе приучает все замечать, откладывать в памяти каждую мелочь. Недаром страшен для врагов глаз советского пограничника! Конечно, я узнал бы сапог Лямина! Найди я такой сапог... Подшитый на носке желтой дратвой, да еще с дыркой на голенище! Это была бы улика, отчетливая, разоблачающая улика.

Тем больше оснований у врага убрать возможную улику.

За ужином, беседуя с дедом о разных разностях, я как бы невзначай вернул:

– Вы Лямина не знаете случайно? Большой любитель пострелять дичь, рыбу половить.

– Лямин? В Доме культуры который, что ли?

– Да.

– А как же. Ты спроси лучше, кого тут дед не знает! Да он мне попался, никак... Когда? Прошрое воскресенье, у Пор-порога. Навстречу попался. Да, Лямин из Дома культуры. Когда наш хор выступал...

– У Пор-порога? – перебил я.

– Ну да, – кивнул старик. – Я шел сюда, а он навстречу...

До Пор-порога – добрых полсотни километров. И, быть может, Лямин шел вовсе не отсюда. Но он мог быть и здесь. Да, как раз в то время, в субботу или воскресенье, мог!

– А в чем он был, дедушка? – спросил я. – В сапогах или в башмаках?

Хаттеев понял меня.

– Эка ведь... Так ты вот к чему! Думаешь, это он тут хозяйничал. А я, прости, и не посмотрел на ноги... Прости, не посмотрел.

Дед искренно огорчился.

«Досадно, что не посмотрел, – подумал я. – Чертовски досадно». Но я ничего не сказал деду, а он, по деликатности, не допытывался и, сокрушенно вздыхая, снимал со стола деревянные миски.

У меня возникло ощущение, точно я уже схватил врага и он проскользнул между пальцами. Настороженность моя в отношении Лямина, появившаяся еще в Черногорске, теперь усилилась.

В уме я составлял донесение в штаб, полковнику Черкашину. Ляминим надо заняться повнимательнее, познакомиться с ним поближе.

Однако непредвиденный случай изменил ход событий и поставил перед нами новые, едва ли не более серьезные препятствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.